

ГЛАВА 17

— Как насчёт острого бульона? — предложил Су Цзин.

— Нет, — отрезали Бай Муюнь и Лу Янь в один голос.

Су Цзин опешил:

— Вы что, не едите острое? Шиди, ты же раньше его обожал.

— Сяо Бай, — подал голос Чжун Ин, — ты ведь буквально на днях говорил мне, что любишь поострее.

Бай Муюнь и Лу Янь обменялись быстрыми взглядами. В глазах каждого читался немой, но веский вопрос: «Так ты, значит, ешь острое?»

— Учитель Бай не так давно жаловался на боли в желудке, — первым нашелся Лу Янь. — Ему лучше придерживаться диетической кухни.

— А вам, режиссер Лу, не стоит себя заставлять, если не справляетесь со специями, — парировал Бай Муюнь.

Атмосфера за столом снова стала... специфической.

— Тогда закажем двойной бульон? Идет? — попытался разрядить обстановку Чжун Ин.

— Пойдет, — коротко кивнули оба.

Когда заказ был сделан, Чжун Ин и Су Цзин углубились в обсуждение дел. Речь шла в основном о потенциальном сотрудничестве. Бай Муюнь обычно не вникал в вопросы найма персонала, поэтому просто слушал, изредка вставляя слово-другое. Но постепенно разговор снова свернул на него.

— Учитель Бай, раз уж сценарий «Рассвета и сумерек» вам приглянулся, может, все-таки подумаете о работе с моим шиди? — закинул удочку Су Цзин. — Он только что взял «Золотой кипарис», таланта ему не занимать.

Бай Муюнь мягко улыбнулся:

— Господин Су, право, не стоит меня уговаривать.

— Но... вас что-то не устраивает?

— Вы не так поняли. Я хотел сказать, что уже согласился на предложение режиссера Лу.

Чжун Ин подхватил:

— Да, я и сам узнал об этом совсем недавно. Более того, наша компания выступает инвестором, а Сяо Бай вложилась в проект, отказавшись от гонорара.

Су Цзин от избытка чувств даже хлопнул в ладоши:

— Вот это новости! Просто великолепно! За успешное сотрудничество!

— Учитель Бай, вы точно не пожалеете об этой инвестиции, — продолжал сиять Су Цзин. — Мой шиди пригласил потрясающего сценариста, чтобы тот отшлифовал сюжет. Я уже передал ему права на адаптацию.

Чжун Ин заинтересованно поднял бровь:

— О? И кто же это?

— Дань Мин Мо! Пускай у него не так много работ, зато каждая — чистый алмаз. Можете быть спокойны.

Лу Янь негромко кашлянул в кулак. Су Цзин тут же заботливо налил ему чая:

— Горло промочи.

Лу Янь: «...»

Бай Муюнь и Чжун Ин переглянулись, едва сдерживая улыбки.

— Дань Мин Мо как раз работает штатным сценаристом в нашей компании, — заметил Чжун Ин. — Так что мы в нем уверены как никто другой.

— Дань Мин Мо тоже у вас?! Почему я об этом раньше не слышал?

— Он предпочитает не афишировать свою деятельность, — пояснил Чжун Ин.

«Надо же, в "Юньин" работает сам великий Дань Мин Мо... Похоже, контракт с этой компанией — действительно отличная идея», — прикинул Су Цзин, мысленно добавив фирме еще несколько жирных плюсов.

— А у меня будет шанс с ним встретиться? — с надеждой спросил он.

Этот вопрос фактически означал согласие на вступление в компанию. Чжун Ин расплылся в довольной улыбке:

— Разумеется.

— Отлично, просто замечательно! — Су Цзин был вне себя от восторга. — Я зачитываюсь книгами Дань Мин Мо с самого начала. У человека врожденный дар. Будь у меня такой слог и фантазия, я бы не задумываясь отдал за них несколько лет жизни! Всегда мечтал увидеть его вживую, но он до того скрытный — даже за наградами сам не ходит. Сейчас и в индустрии, и среди фанатов все только и грезят о том, чтобы хоть глазком на него взглянуть. У меня уже сердце замирает от предвкушения...

— Поверить не могу, что мне выпадет такая честь! Друзья лопнут от зависти! — Су Цзин буквально светился. — Кстати, а какой он из себя? Можете хоть намекнуть?

— Весьма недурен собой, — отозвался Чжун Ин.

Бай Муюнь от похвалы вспыхнул. Он потер кончик носа и пробормотал:

— Да так... ничего особенного.

— Ха-ха, ну, на фоне учителя Бая, может, и "ничего особенного", а для обычного человека наверняка красавец. Шиди, ты ведь его видел?

— Э-э... да, доводилось, — выдавил Лу Янь.

«И не просто видел, — с затаенной гордостью подумал он. — Я был его самым первым читателем. Перед публикацией он всегда давал мне текст, чтобы я высказал свое мнение».

— Ну и как он? Есть в нем эта аура гениальности, харизма великого мастера?

— Он очень красив. Невероятно обаятелен, — Лу Янь не жалел красок, расхваливая бывшего.

— Красавец, да еще и талант! Как после такого вообще жить обычным смертным?! — сокрушался Су Цзин.

Бай Муюнь чувствовал, что еще немного — и он просто не выдержит этого потока лести в лицо.

— Господин Су, не стоит так себя принижать, — поспешно вставил он. — Ваши сценарии великолепны. А этот Дань Мин Мо... средненький он. Просто везунчик, не более.

— Учитель Бай, мне безумно приятно слышать от вас комплимент, но вот насчет Дань Мин Мо вы в корне неправы! Вы просто не представляете, насколько он крут, он же...

Видя, что Бай Муюнь вот-вот сгорит со стыда под градом восторгов, Чжун Ин деликатно вмешался:

— Давайте-ка сначала поедим. Еда стынет!

— Да-да, сперва набьем животы, а потом продолжим, — согласился Су Цзин.

Официант уже принес кастрюлю и закуски. Бай Муюнь отправил порцию овощей в ту половину, где кипел прозрачный бульон, и развернул кастрюлю этой стороной к Лу Яню. Тот, однако, тут же развернул её обратно:

— Учитель Бай, вам нужно больше витаминов.

Бай Муюнь поднял голову. Лу Янь тем временем воровато потянулся палочками к острому краю. Бай не произнес ни слова — он просто молча уставился на него.

Лу Янь, почувствовав на себе этот тяжелый взгляд, как ни в чем не бывало переложил выловленный из острого бульона кусок в тарелку Су Цзину и с самым честным видом добавил:

— Я не ем острое.

— Раз не ешь, так нечего туда и лезть, — пробурчал Су Цзин. — И не надо за мной ухаживать, я не маленький, сам справлюсь.

Бай Муюнь тихо хмыкнул и, вернув кастрюлю в прежнее положение, продолжил методично уничтожать овощи из пресного бульона.

У Лу Яня была одна беда: он до безумия любил острое, но его организм — нет. Стоило ему съесть хоть что-то приправленное перцем, как начинались боли в животе и расстройство. И каждый раз он, бледный и несчастный, под суровым, но полным сострадания взглядом Бая Муюня клялся всеми богами: «В следующий раз — ни грамма чили! Клянусь, клянусь, клянусь!»

А в следующий раз всё повторялось в точности.

Пока Бай Муюнь был рядом, он мог это контролировать. Но стоило ему отвернуться, как Лу Янь снова втихоря начинал сыпать перец во всё подряд.

Горбатого могила исправит. Необучаемый. Бай Муюнь от этого в свое время едва с ума не сошел.

Прошло двенадцать лет, а привычки остались прежними.

«Я слежу за ним только для того, чтобы у него не было повода потом строить из себя жертву», — хмуро убеждал себя Бай Муюнь.

Под неусыпным надзором Бая Лу Янь так и не рискнул прикоснуться к острому, в итоге наелся одними лишь пресными овощами.

Когда ужин подошел к концу, все важные вопросы были улажены. На часах было уже одиннадцать вечера, и компания начала решать, как добираться по домам.

— Господин Су живет неподалеку от меня, — предложил Чжун Ин. — Я его подброшу.

— Буду премного благодарен. А как же режиссер Лу и учитель Бай?..

— Я живу в «Циншан Люшуй», — поспешно вернул Лу Янь, давая прозрачный намек.

— Какое совпадение! — Чжун Ин с готовностью заглотил наживку. — Сяо Бай живет там же. Сяо Бай, подбросишь режиссера Лу?

Был ли у Бая Муюня повод отказать? Нет.

— Хорошо.

Так Лу Янь благополучно устроился на пассажирском сиденье скромного автомобиля Бая Муюня, ценою не более ста пятидесяти тысяч юаней. В душе он ликовал.

Эту же машину Бай когда-то одалживал Чу Цзяньцину. После того случая, попавшего в тренды соцсетей, фанаты и просто любопытные лишний раз убедились в «неприхотливости» киноимператора. На самом деле Бай Муюнь вовсе не был аскетом — ему просто было лень тратить время и деньги на вещи, которые он считал второстепенными.

Лу Янь сидел вполборота, с любопытством рассматривая салон, пропитанный духом и запахом

Бая Муюня.

— Сядь ровно.

Лу Янь послушно выпрямился.

— Пристегнись.

— А как это делается?

Бай Муюнь повернулся и посмотрел на него. Тот с самым невинным видом изображал полное непонимание. Бай дважды хмыкнул:

— Может, еще скажешь, что и есть сам не умеешь?

— Я правда не соображу, как тут... Поможешь мне?

— Ладно. Можешь не пристегиваться.

Бай Муюнь не собирался потакать этой наглости.

— Почему ты на меня смотришь? — Бай Муюнь наконец не выдержал пристального взгляда.

— Ты на дорогу смотри.

— А ты на меня — нет.

— Если бы ты сам на меня не смотрел, ты бы и не узнал, что я смотрю на тебя.

—... — Логика железная.

На светофоре Бай Муюнь резко притормозил и внезапно придвинулся к Лу Яню. Расстояние между ними сократилось до предела, они буквально вдыхали воздух друг друга. Бай заметил, как Лу Янь затрепетал ресницами, как он покраснел, а в его взгляде промелькнула смесь изумления и паники. Он почти перестал дышать.

Бай Муюнь потянул ремень безопасности и с сухим щелчком застегнул его.

— Пристегнул, — негромко произнес он, и его голос прозвучал неожиданно глубоко и

чувственно. — Теперь не смотри на меня.

Бай отстранился. Как раз загорелся зеленый, и он с совершенно невозмутимым видом тронулся с места.

— Я не заключал с тобой такой сделки, — Лу Янь продолжил свою игру, не сводя с него глаз.

Бай Муюнь хранил молчание, сосредоточенно ведя машину и мерно постукивая указательным пальцем по рулю.

— Красавчик, а у тебя есть парень? — вдруг спросил Лу Янь.

— Тебе-то что?

— Судя по моим сведениям, красавчик сейчас свободен.

—...

— И как тебе я в качестве кандидатуры?

—...

— Никак.

На этот раз замолчал уже Лу Янь.

Бай Муюнь прекрасно понимал, к чему всё идет. Раньше он думал, что Лу Янь ищет встречи только ради того детского обещания — когда-нибудь вместе снять кино. Но теперь, после всего случившегося, стало ясно: тот хочет вернуться. Хочет снова его завоевать.

Молчание затянулось до тех пор, пока машина не остановилась у ворот виллы Чу Лианя.

— Ты сейчас один, — наконец произнес Лу Янь. — Может, дашь мне шанс?

— Лу Янь, имей совесть.

— А толку мне от совести, если она не поможет мне заполучить Бая Муюня?

Бай Муюнь повернул голову. Лу Янь смотрел на него, чуть склонив голову набок. В его взгляде

читалось тепло, и он слегка, обезоруживающе нахально улыбнулся.

Бай Муюнь давно не видел его таким.

Для посторонних Лу Янь всегда оставался воплощением вежливости и мягкости, а со старшими вел себя как само послушание.

Но только перед Баем Муюнем он позволял себе быть капризным, озорным и по-хорошему наглым. Именно эта чертовщинка в характере всегда сводила Бая с ума, заставляя желать этого человека здесь и сейчас.

В памяти Бая Муюня всплыл тот день, когда Лу Янь случайно узнал, что он гей.

Тогда Бай Муюнь начал избегать друга, потому что тот стал являться ему в снах. Проведав об этом, Лу Янь буквально не давал ему прохода, настаивая на том, чтобы «попробовать повстречаться».

Бай не знал, какой ориентации придерживается Лу Янь — да и сам Лу, похоже, не вполне это осознавал. Разве мог Бай Муюнь так просто взять и втянуть его в это?

Но Лу Янь был настойчив: он преследовал его по пятам и запрещал общаться с другими парнями.

В конце концов Бай Муюнь не выдержал. После уроков он затащил Лу Яня на территорию заброшенного завода и, прижав к стене в темном углу, спросил:

— Говори уже, чего ты добиваешься?

— Тебе что, тот капитан баскетбольной команды приглянулся?

Бай Муюнь опешил:

— С чего ты взял? Нет.

— А зачем ты тогда с ним каждый день в мяч рубишься?

«Затем, чтобы с тобой лишний раз не видеться», — подумал Бай.

Видя его замешательство, Лу Янь выдал с обезоруживающей прямоотой:

— Тебе ведь всё равно нравятся парни. Так почему не я? Кто еще будет к тебе относиться так же хорошо, как я?

Бай понимал, что любит его, но не хотел обрекать на ту трудную жизнь, что ждала их впереди.

— Нельзя, Янь-эр. Ты не понимаешь...

Лу Янь внезапно подался вперед и поцеловал его — мимолетно, едва коснувшись губ.

Бай Муюнь замер, словно через него пропустили электрический разряд. Он стоял как вкопанный, ошеломленный.

— Сначала надо попробовать, а потом уже выводы делать, — Лу Янь облизнул губы. Он смотрел на него, прищурившись, и дерзко, маняще улыбнулся. — Мне совсем не противно. Люби меня. А я буду любить тебя.

Глядя на него, Бай Муюнь почувствовал себя так, словно этот лесной эльф окончательно украл его душу. Он сглотнул, и голос, еще ломающийся, прозвучал хрипло и низко:

— Разве это поцелуй?

Он чуть наклонился, властно притянул Лу Яня за затылок к себе и поцеловал по-настоящему — глубоко, жадно, отпустив лишь тогда, когда тот начал задыхаться.

— Вот это — поцелуй.

Бай Муюнь ожидал чего угодно: слез, раскаяния, криков. Но Лу Янь лишь крепче вцепился в его воротник и потянулся за новым поцелуем.

— Оказывается, это сладко, — невнятно прошептал он.

— А как же Цзинь Фэйфэй?

Лу Янь на мгновение затих. Он смотрел в глаза Бай Муюня — ярко, чисто, и в этом взгляде не было никого другого.

— Я соврал. Мне не нравится Фэйфэй. И женщины мне не нравятся. Мне нужен только Бай Муюнь.

— Всегда был нужен только Бай Муюнь.

<http://bllate.org/book/18159/1756678>